

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГРАФЪ УГОЛИНЪ.

(Сказанъ въ Палатѣ Адъ. Дашинской.)

Въ 1522 году, шри гражданин, началыши пеговора, оспоривши
 выдочестиво надъ городомъ Пизано. Двое вѣхъ вихъ: Суды Пано де
 Галура и Графъ Уголинъ, де Генардеса, дядь первого съ женско
 стороны, принадлежали къ парши Гельфонъ; а одикъ, Архископскы
 Рогеръ ди Убалдинъ, — къ парши Гибеллиноу. Сей послѣдній
 присавъ къ Графу и склонилъ его воосавлять противъ своего вича,
 выдвизаши городомъ Пано де Галура быль вкорокъ изгнать со вѣсь
 своей паршию. Архископскы, видя силу Гибеллиноу, остобише, и
 преклонилъ вкорокъ вѣсь случася; онъ извизилъ Уголинъ,
 расавъ въ народъ между вровичи обвиненіями слухъ, что будто онъ
 продавъ Флоренци и Люккѣ вѣрности Пизу. Сдѣлавшиши главою
 распривизаваго народа, онъ схватилъ Уголинъ въ его домъ и
 заключилъ его въ мѣшину съ двумя сыновьями и съ двумя враву-
 ками. Черевъ вольгода (показуеши Г. Виллани) Пизане заперли на
 глухо башню, въ коелъ находилъ Уголинъ съ дѣтьми, и бросилъ
 вичи онъ своей въ яму Арно. Несчастныя жертвы вкорокъ узери
 онъ галоде, и съ той пори мѣшина вѣхъ мавала была: башня
 слѣда.

.....

Мнѣ осаживанъ ихъ (1) поспитно за собою,
 Какъ ядуть, во льдистомъ рѣзѣ, урванъ двухъ людей
 Аскавизавъ въ мѣдрой вѣлѣ, свавлѣсь глаза съ главою:
 Какъ гладомъ мучимы, сидѣши плоды полей —
 Такъ, члѣвнѣно, одинъ вилхлѣ въ главу другого,
 Бысть вѣхъ, махъ, гдѣ конь соединилъ съ нѣй.
 Такъ, вѣвѣда, Тидей, у ирива кровнато
 Врѣга оспавнато, распривизавъ — и ядуть
 Савлѣ гримѣ главу его онъ испустилъъ много. (2)

(1) Тамъ шавѣвизавъи своему отечеству.
 (2) Тидей, сынъ Энеа, Нора Килеонисскаго, и Оливантъ Мемаллѣ,
 узериши другъ друга смертельно при осадѣ Оилъ. Мемаллѣ,
 умеръ вкорокъ; Тидей вѣлѣхъ ослѣтъ ему голову и началъ гримѣ
 оуи. (Stat. Theol. I. VIII.)

О шю! вавявизавъ, я рѣвъ, шюль вѣрнѣй духъ,
 Черевъ ненависти, надъ силъ, шверавимы тобою —
 Новѣдѣи мнѣ судьбу свавлюду вѣхъ духъ?

Какою онъ него шм оскорбленъ шиноу? —
 Тамъ, познавъ, кто вы, сколь грѣхъ его велѣтъ,
 Невѣдомыи я швомъ, пришедши въ шѣръ, откороу,
 Какъ не признѣши шюда къ горнани мнѣ вѣтъ! (3)

И отшравля успи онъ шюль ужасной яствы,
 Отверъ вѣхъ, грѣшники сей, о блѣмѣ власи
 Гамъ, испоченной онъ непрестанной паствы. —
 И началъ: „шмъ велѣши мнѣ обновитъ часы
 Ошванной тоски, онъ коелъ сердце шюпешъ;
 Узасно вкорокъ шавъ прошедшихъ будъ грозъ!

Но если въ рѣчь мѣдъ бесавѣишъ покороши
 Зюда, коело я здѣсь сидѣла судишъ —
 То, вѣтъшъ съ плаченъ, шкороу успи мѣдъ откороши:

Не вѣдаю, кто шм, и случася тамъ шмъ
 Находилъ среди насъ, въ шѣтъ мѣръ шюль противномъ, —
 На Флорентинцевъ шмъ, наричѣнъ шювѣкъ.

Шювѣкъ, что вѣтъшъ я былъ Графомъ Уголинкомъ;
 Архископсконъ былъ шютъ врагъ — Рогеръ.
 И расавлду, за чѣтъшъ мѣ съ шитъ во рву единомъ:

Имѣи шюдди позшравляи извѣстисе шѣверъ,
 Какъ шкериши я доставъ доврѣвизавъшю мѣдоу —
 Вѣвѣтомъ близкаго повѣсавишійшъ шришѣврѣ!

Но шмъ подвизавъшеся вѣлѣй учасишю мѣдоу,
 Узериши, сколь шкериши была ужасна для мѣлѣ —
 И свавлѣши, какъ права на шѣнѣя я вѣтъшъ! . .

(3) Здѣсь кончася XXXII пѣснь и начивѣтсѣ XXXIII.

Ужъ слово ужасо отпугнуло ома
Торамъ, чрезъ смерть мою, вырвало слова слышней, —
Которая до-днесь осталася спривая, —

И много разъ вдалъ лучъ солнца заходящій,
Какъ здрутъ, судьба мнѣхъ захтеу развалитъ.
Ужасней сонъ, чѣмъ въ то время бывающій!

Мнѣ снись, что Ротеръ мнѣ влещеиномъ сналъ —
И мнѣ, гдѣ Ловки видѣ скривитъ ома Пизалъ горою,
На лѣвѣ, вола ома съ вачашиа говалъ.

Со сласей пощадъ поелъ, влещеиномъ глэдомъ къ бою,
Голланди, Силеходи, Лабранки, (4) передѣ вимъ
Спривались на добичъ, шучащемо шалою.

Злоащастней затре съ дымки, побитомъ неболаникъ
Примашо усталалъ; — я вдалъ поелъ съхъ мѣшаникъ
Зубами осирили раздравишъ ребра плъ.

Восставши до лучей, шорому моему лашашикъ —
Я слышу, заперышъ со мной дѣшею хонкъ,
Славей сонъ рыдающахъ и хлѣба нѣхъ просищахъ . . .
Жестокъ ты, если скорба не дажешъ чувствуй шонкъ,
Предсказая, чѣмъ тогда-мнѣ сердце предсказало; —
И какъ шеверь безъ слезъ, когда къ прошель ты ихъ? . . .

Восстали и ома: ужъ сатице говалало
Опредѣлиши чѣсъ для скудой шиди нанъ; —
Но влэдато, ома сна, соваице клѣбало . . .

Вдругъ слышнѣхъ . . . мнѣшомъ ступъ по заперышъ дверачъ
Ужасней сей шорамъ; — недѣланикъ влэръ, съ лѣскою,
И мнѣхъ устривилъ на лица синомакъ.

Бѣзъ слезъ я былъ тогда, оканчиваю думою; —
Но влѣкали ома . . . Тушь рекъ Ласвалый мой:
„Ты нанъ глэднѣхъ на вѣсѣ . . . ошнѣ мой, чѣмъ съ шобомъ! . . .“

(4) Три первыиа фонтана города Пизы, въ шорамѣ Ротера.

Но все не плавалъ я, и шробалъ кѣтъ шмой
Всѣ дѣшъ шонъ и всю почъ; сидѣть въ ошнѣшнѣхъ,
Повѣ-свиново для кругу пачало другой.

И для наславнаго при-слабонъ повлѣшилъ,
Ушадѣ, съ ужасомъ, я въ сѣнь шидишъ мукъ,
На чѣтырехъ лицахъ свое избображенъ! . . .

Тогда, съ ошчавилъ, сталъ гриши конечности рукъ,
А дѣши, думая, чѣмъ луннѣхъ смертнѣ глэднѣхъ,
И шнѣ шробовалъ: — возставъ, вонши здрутъ:

„Родителъ, легче бы нанъ было вѣсми шпекратишо,
Когдѣишъ вкуситъ ома насъ! . . . не шмъ къ насъ обичаши
Въ шловѣ шпекрибу сѣю? . . . возми жѣ се обратнѣ! . . .“

Тогда смѣрился я, чѣшомъ не шнѣшнѣ ихъ силъ,
Всѣ дѣшъ шонъ и другой шрании всѣ мнѣчанѣ:
„Зсѣмъ! за чѣмъ швой вѣкъ мѣна не пошнѣшилъ? . . .“

Когдѣ жѣ чѣтыршаго достигли шмъ въ шпекратишъ,
То шладшѣ сѣнь ушавъ къ ногамъ шмой шениа, —
Сказавъ: „ошнѣ! нѣ шмъ шовошъ не въ шпекришнѣ! . . .“
И умеръ . . . шалъ и ветхъ я арѣшъ, какъ шрѣшъ мѣна,
На шкѣшъ падѣшнѣхъ, другъ за другомъ, кончался,
Въ дѣшъ шлѣшнѣхъ и шестшѣй . . . Не влэддѣшъ свѣшо я . . .

Какъ шнѣшъ, нѣдѣ шрушамъ я сталъ бродитъ, шашаеъ . . .
Три дѣшъ, шри шлѣшъхъ дѣшъ! умернѣхъ шалъ дѣшею —
И глэдѣ ошчавилъ, съ ошчавилъшѣхъ срѣлѣснѣ . . .“

Ошнѣшнѣ, Уголокъ шпекринулъ отнемъ ошнѣ,
Бровѣшнѣ чѣрѣшъ шловѣ влѣшъ шлѣшнѣхъ шубами —
И какъ голодомъ шнѣшъ, вонши ихъ до кошнѣ.

О Пиза! въ шрѣшъ шлѣшъ предѣ вѣсми шорѣшнѣхъ
Спривали гармонѣи и молодой вѣснѣ! —
Какъ шмъ шобѣшнѣшнѣ шовлѣшнѣ мѣшнѣ;

Ты впусти, стрелыной воды съ корней ошторжаны,
Входи Арам заурядны *Лакра* и *Гурона* (5)

И будущь жителям и градъ помощником!

Хотя бы Умелыхъ преслушныкъ быть закона,

И ствамъ города хотякъ предавъ врагамъ:

То для дшей была оныхъ язни оборона,

Невинности ильныхъ злнхъ и жалость къ сиротамъ!....

Съ Испалнн. *Шеровъ*.

Флоренція.

1822 г. Септембра 2-го.

МОЛИТВА.

Молю святее Провидице:

Оставь мнѣ тагостныи дни;

Но дай желанное терпѣние,

По сердце мнѣ окаяемъ. (*)

Пусть неказнень — язни новой

Приду къ шашитвеннымъ бранямъ,

Какъ Волга валъ благозловой

Доходитъ ильми къ берегамъ.

Н. Языковъ.

РАЗЛУКА.

(Съ Богенскаго.)

Въ небо все сіяло,
Въ поля все цвѣло;
Но тебѣ не стало —
Все съ тобой пришло! —

Ты, какъ сонъ крымашинъ,
Милая, ушла!
Ты все прощаминъ
Съ собой унесла.

Одинъ только думи
Мой грустный удылъ:
Скорый бы угрюмый
Борей зашумѣть.....

Но вѣчной весною
Цѣтши все для ней!
Я ею одною
Жизну — и безъ ней!..

Ө. Гинка.

(5) *Лакра* и *Гурона*, суть два небольшие острова Средиземнаго моря, неподалеку отъ устья рѣки Ариа, гдѣ построены города Пана.

(*) Разумется, противъ опасностей и буре свѣта.